

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПАФОС “СЛОВА К НОВОИЗБРАННЫМ СУДИЯМ” ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

В отличие от большинства слов Георгия Конисского, “Слово к новоизбранным судиям” не имеет точной датировки. По содержанию произведения можно с уверенностью утверждать, что произнесено оно было после первого раздела Речи Посполитой 1772 года, в последний период жизни и творчества просветителя в Могилеве.

Хотя данное слово “на особенный случай” и не связано с текстом Евангельского чтения за Божественной литургией, комментарием к которому выступает большинство ораторских произведений Конисского, автор по установленной традиции предпосылает выступлению эпиграф из Евангелия: “Аз избрах вас, сказует Спаситель Апостолам, и определих, да идете и плод принесете, и плод ваш пребудет” [1, с. 457; Иоан. 15, 16]. Размышления о возможных плодах деятельности судей составляет основное содержание произведения, причем доминирующим художественным приемом, избираемым Георгием, становится прием антитезы. Уже в начале своего выступления Конисский делает экскурс в историю и сравнивает плоды деятельности Польских трибуналов, избиравшихся ежегодно, и новых судов, обновляемых один раз в три года. Первые он называет “тернием”, а вторые – “гроздьями”, и в рамках традиционной для библейского художественного стиля метафоры

“народ” – “виноградник” на протяжении всего повествования использует данное сравнение как сквозное.

Источником произрастания “терния трибуналов” Конисский определяет произвол и конфронтационные столкновения различных шляхетских “партий”, прежде всего, Радзивиллов и Черторижских, которые “одни других грызли, да взаимно же одни от других и снедаемы были” [1, с. 457]. Здесь Георгий касается одной из актуальнейших для того времени общественно-политических проблем, неразрешенность которой в конечном итоге привела Речь Посполитую к ослаблению, зависимости от соседних государств и, наконец, к ряду разделов.

Впрочем, ко времени произнесения слова, данный вопрос уже не был столь актуален для Могилевской епархии, целиком входившей в состав Российской империи, и в слове Конисского разговор о междоусобицах шляхты является не более чем горьким воспоминанием о некогда целиком католических по своему составу трибуналах, в которых притесняемые православные граждане короны не надеялись найти правды (смешанный суд был учрежден в Польше только в 1768 году по инициативе и при деятельном участии самого Конисского [См. 2, с. 230]). Новые для белорусских земель времена описываются Георгием в светлых, даже идиллических красках, поскольку, по его словам, под “оком истинного Наместника”, т.е. русской императрицы – “Матери попечительнейшая народа своего”, происходит избрание “не партии на партию, но вообще всех на общую пользу” [1, с. 457]. И хотя для Георгия императрица выступает прямой наместницей Бога на земле, т.е. занимает особенное, дарованное ей свыше положение, одновременно им как человеком нового времени подчеркивается одна из принципиальных идей эпохи Просвещения – идея человеческого и гражданского равенства. Он говорит о равных достоинствах кандидатов на ответственные государственные должности и лишь свидетельствует о необходимости дарования отдыха трудившимся и возможности применить свои добродетели на общественном поприще новым людям.

Анализируя первопричины добрых и злых плодов, Конисский размышляет о проблеме свободы воли и Божественного предопределения. Здесь он выступает прежде всего как православный епископ и, безусловно, не простирает границы человеческой свободы до пределов известной европейской рационалистической гордыни. Им утверждается мысль о неразрывной причинно-следственной связи всего происходящего на земле – и доброго, и злого – с вездесущей волей Создателя. Цитируя из Евангелия от Матфея, Георгий прибегает к образам ничтожной птички, цена которой полкопейки, и еще более ничтожного волоса человеческого, которые не смеют пасть без воли Небесного Отца. Чтобы заострить свою мысль, Конисский изрекает на первый взгляд парадоксальную фразу, что Бог управляет “и богопротивным всем, как и богоугодным”. Логика рассуждений проповедника неминуемо приводит к проблеме теодицеи, разрешение которой у Конисского также традиционно: “Зла не любит Бог, но любит благое, которое выводит из зла” [1, с. 458]. Пример Георгий приводит из Ветхого завета и вспоминает образ фараона, погибшего в море: “Противно было Ему (Богу. – С.С.) ожесточение Фараоново, – заключает епископ, – противна и

погибель его в море, но любезно правосудие и приятна слава, во всем мире последовавшая от потопления богопротивника” [1, с. 459]. Таким образом реализация относительно свободной воли людей через добрые дела становится прямым выражением воли Создателя. Примечательно, что за злыми делами Конисский не усматривает какой-либо проекции в трансцендентное, поскольку с христианской точки зрения, зло – это не проявления воли темных сил мироздания, лишенной субстанциональности, а неправильно реализованная свобода человека: “В злом деле злое от нас, благое от Бога” – заключает проповедник.

Говоря об управляемости Богом избрания на должность каждого человека, Конисский подводит слушателей к осознанию высшей ответственности и, по своему обыкновению, не только возбуждает в них бескорыстное стремление к добродетелям, но и прямолинейно напоминает о высшем суде, устрашает наказанием за грех. В слове возникают, опять-таки по принципу антитезы, образы двух сосудов: сосуда благости и сосуда гнева Божия. Данная метафора продлевается Конисским соответственно в образах двух сердец ветхозаветных царей – праведного Давида и грешного Саула.

Проанализировав коренные причины избрания в судейское (а шире – во властное) звание, Георгий приступает к анализу возможных плодов на поприще общественного служения. В художественном отношении эта часть слова является наиболее развитой и богатой. Георгий находит десятки эпитетов, характеризующих различные плоды – хорошие и плохие. Первые – созрелые, красные, вкусные, нетленные, вечно пребывающие, самые сладчайшие. Это суть “правосудие, искусство в законах, прилежание деннонощное, многоочитое осмотрительство и разсуждение всех обстоятельств...” [1, с. 460]. Конисский предлагает судьям целую программу действий и пророчески требует от них безупречного служения: “...Не зрети на лице, не бояться сильных, ненавидеть лихоимства, не пленяться сродством и дружбою, веры от правды... не разделять, греметь на льстецов, снисходить кающимся только, терпеть правды ради, естлиб что от супротивных последовало” и т.д. [1, с. 460]. Епископ убедительно доказывает, что такой путь и такие дела приносят праведным судьям славу и добро и на земле, где они приобретают авторитет и получают благодарность людскую, и на небе, где им предрекается милость Бога: за ревность – венец, за труды – покой.

В противовес описанным “гроздьям” земного виноградника Конисский пророчески обличает “терние”, т.е. пороки судей, “не зрелые и горькие”, “гнилые и червием расточенные”, “содомские”: “неправосудие, незнание и нерачение знать законы, леность в деле, лихоимство, потачка друзьям и сродникам, ревность по вере слепая...” [1, с. 461]. Также, как и о плодах благих, Конисский рассуждает о последствиях должностных преступлений. Тяжелейшее воздаяние за порочные дела, по его убеждению, властьпридержащие получают уже здесь, при жизни, в виде бесчестья в глазах общества и прямого наказания от высочайшей власти. Размышляя о запредельном, Конисский описывает картину Божьего суда, в который неминуемо преломляется суд земной и на котором судьи земные мгновенно обращаются в подсудимых, причем земные

поступки следуют за ними, как “враги” и “клеветники”, свидетельствующие против них, склоняющие суд к приговору о гибели виновного.

Гарантом законности и ограничения местнического произвола выступает императорская власть. Конисский как просветитель отождествляет идею служения обществу и государыне императрице, не разграничивает и тем более не противопоставляет их. Создавая величественный образ Екатерины, он воплощает в слове реально-исторический, по его глубокому убеждению, пример просвещенной монархини, в высшей степени ответственной перед Богом и перед обществом, как заботливый виноградарь, оберегающей “народ–виноград” от всяческих зол и бед.

Таким образом, обращаясь к находящимся как бы на распутье перед путем праведным и путем преступным судьям, Конисский апеллирует и к их вере, и к разуму, находит доводы высшего, духовного плана и вполне земной целесообразности. Просветительский пафос слова заключается в торжестве идеи служения долгу по законам чести. В финале проповеди он подкрепляется высокой молитвенной патетикой прямого обращения к Богу – высшему Судии: “Боже, предвечная правда! – восклицает Георгий. – Впечатлей правду Твою святую в сердца наша; водрузи в память нашу суд Твой неминуемый, на коем будешь пересуживать правды наши; дай судиям сим день и ночь помышляти, что несправедно осужденные ими будут им судии...” [1; с. 458].

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и Литография Я.Н. Подземского, 1892.
2. Буглаков Михаил. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский. – Мн.: Виноград, 2000.